

К третьей группе источниковедческих публикаций относится статья Н.А. Габовой, в которой анализируется методика работы с источниками по истории Урала на школьных уроках. Автор пришел к выводу, что изучение документов на уроках истории позволяет формировать у школьников научное историческое сознание, а также методологической культуры (Вып.4. С.246–248).

Одной из особенностей материалов, опубликованных на страницах сборников «Урал индустриальный», является большое количество работ историографического характера. Историография как специальная отрасль исторических знаний активно развивается только в тот период, когда накоплен значительный материал, нуждающийся в обобщении и осмыслении. Вторая половина 1990-х гг. стала именно таким временем, когда после недолговременного затишья, вызванного «неопределенностью исторического знания», вновь активизировались историографические исследования.

На характер историографических публикаций существенное влияние оказала уральская историографическая школа, созданная еще в советский период в Уральском государственном университете профессором О.А. Васильевым. Ее отличительной чертой является интерес не только к осмыслению конкретной исторической проблематики, но и к изучению организации научных исследований в области исторической науки.

Среди историографических статей, помещенных на страницах сборников «Урал индустриальный», можно также выделить несколько групп публикаций. Наиболее значительную часть из них представляют работы, в которых подводятся итоги изучения отдельных проблем истории Урала. К ним относятся статьи А.А. Коробкина, А.Л. Ожиганова, посвященные историографии Гражданской войны, Е.А. Цыпиной — новой экономической политики, А.В. Бакунина — индустриализации, И.В. Лязгина — коллективизации, А.О. Никитиной, Ю.Ю. Пажит — сталинских репрессий, Н.В. Фунтовой — Великой Отечественной войны.

Ко второй группе публикаций можно отнести статью Е.В. Язовских, в которой проанализирована англо-американская литература о деятельности А. Хаммера.

Третью группу историографических работ составляют статьи, посвященные организации научных исследований в исторической науке Урала. В ряде публикаций проанализированы научные школы, сложившиеся в вузах. В.И. Кашперский осветил историю факультета гуманитарного образования УГТУ–УПИ. Статьи К.Ж. Ирбе, Б.В. Личмана, Д.В. Силантьева, Г.Я. Таратоненкова посвящены истории кафедр истории России УГТУ–УПИ и всеобщей истории Свердловского государственного педагогического института и их вклада в разработку исторических проблем. Ю.В. Запарий рассмотрела особенности школы балканистики Уральского государственного университета. Н.В. Васильева и Б.В. Личман охарактеризовали вклад А.В. Бакунина как исследователя и крупного организатора исторической науки на Урале.

К четвертой группе историографических публикаций можно отнести статью Т.Г. Кожевниковой, в которой рассматриваются «Записки УОЛЕ» как источник по истории Урала.

Таким образом, сборники «Урал индустриальный» представляют собой определенный срез современной исторической науки Урала. Анализ опубликованных в них материалов по методологии и теории исторической науки показывает, что уральские историки хорошо понимают задачи, стоящие перед современной исторической наукой и вносят большой вклад в разработку ее наиболее актуальных проблем. Региональная наука на рубеже XX–XXI вв. преодолела постоянное отставание от столичной науки в изучении методологии истории и предлагает оригинальные научные концепции рассмотрения отечественной истории.

*И.В. Побережников
(Екатеринбург)*

РОССИЯ В XX ВЕКЕ В ОСВЕЩЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

(теоретико-методологические подходы)

XX в. отмечен интенсификацией структурной дифференциации обществ, втянутых в процесс модернизации, дальнейшей автономизацией таких сфер как экономика, политика, образование, частная жизнь и т.д. Данное обстоятельство создало предпосылки для дисциплинарной дифференциации сообщества ученых, занимающихся изучением подобных обществ. История России в XX столетии изучалась и изучается как историками, так и социологами, экономистами, политологами, антропологами и т.д. Представители каждой из перечисленных дисциплин ис-

пользовали собственные познавательные инструменты, что, несомненно, оказывало воздействие на результаты исследования. При этом имели место и взаимодействия между дисциплинами и дисциплинарными подходами, а результаты, которые получались в рамках одного из подходов, могли впоследствии использоваться представителями других дисциплинарных направлений. Исследователи, несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, руководствовались некоторыми общими теоретико-методологическими моделями, которые оказывали, конечно, в различной степени, воздействие на конкретные исследования при выборе предмета изучения, трактовке движущих сил истории, идентификации места России в мировом историческом процессе, определении природы взаимосвязей между различными периодами ее истории. Сами теоретико-методологические подходы также эволюционировали, подвергались модификациям в процессе взаимодействия с конкурирующими подходами.

Целью данного исследования как раз и является выявление и краткая характеристика основных теоретико-методологических направлений, оказавших наибольшее влияние (и обладающих перспективным познавательным потенциалом) на разработку проблем истории России в XX в.

Примерно с середины XX в. было предложено два теоретических подхода, которые сохранили свое значение до сегодняшнего дня: первой по времени возникла тоталитарная парадигма, доминировавшая в 1950-е гг.; с конца 1950–1960-х гг., в связи с рождением модернизационного подхода, начинается ревизия тоталитарного подхода. В 1980–90-е гг. появляются альтернативные подходы, предлагающие интерпретации исторических маршрутов России в XX в. в контексте институционального подхода или теорий зависимого развития.

Тоталитарный подход. Широкое распространение в зарубежных исследованиях истории России XX в. (преимущественно советского периода) получил так называемый *тоталитарный подход*, длительное время занимавший доминирующие позиции в советологических студиях. Данный подход был предложен Х. Арендт в работе «Корни тоталитаризма» (1951 г.), которая утверждала, что в середине XX в. появилась качественно новая форма деспотизма, базирующаяся на массовой, всенародной мобилизации общества идеологизированной политической властью. Х. Арендт вывела возникновение тоталитарных режимов из тоталитарных движений, которые могли сформироваться, по ее мнению, лишь при наличии двух условий: 1) аморфная социальная структура, граничащая с бесклассовостью, и 2) появление «тоталитарного лидера». Тоталитарное государство, согласно Х. Арендт, прибегает к целенаправленному обману масс путем пропаганды и террору, принимающему «абсолютные» формы; при этом государство якобы преследует цель подвергнуть трансформации не только прежнее общество, но и саму человеческую природу.

В 1956 г. К. Фридрих и З. Бжезинский превратили теорию Арендт в модель, согласно которой тоталитаризм характеризуется на основе шести критериев, которые получили в литературе название «тоталитарного синдрома»: 1) официальная идеология, охватывающая все жизненно важные аспекты человеческого существования и поддерживаемая всеми гражданами; 2) единственная массовая партия, возглавляемая вождем; 3) система узаконенного террора, поддерживающего власть партии; 4) почти полный контроль партии над всеми средствами массовой информации, монополия на информацию; 5) контроль партии над вооруженными силами, монополия на высокотехнологичные вооружения; 6) централизованно управляемая посредством бюрократической координации экономика, аналогичное руководство большинством других общественных организаций.

Теоретическая критика тоталитарного подхода, в частности, шести признаков «синдрома», акцентировала внимание на присущий ему редукционизм, обращенность преимущественно к идеологическим и политическим измерениям общества: так, первые пять из указанных выше параметров относятся к области идеологии и политики, лишь шестой, не отражая всех качественных характеристик данной сферы, применяется к экономике; за пределами схемы остается множество социальных, этнонациональных, социокультурных аспектов. В связи с этим оппоненты говорят о корректности применения тоталитарного «синдрома» скорее к политическим системам, нежели к обществам в целом.

В рамках тоталитарного подхода тоталитаризм представляется как специфическое явление, характерное для некоторых государств XX в., сошедших с «нормального» пути исторического развития («нормальность», по мнению сторонников данного подхода, воплощают типические страны либеральной демократии, такие как Великобритания, Франция и США). Тоталитарный

подход фактически явился попыткой «верхушечной» интерпретации советской системы как продукта определенной идеологии и политической воли. Рассматриваемая в контексте тоталитарной перспективы советская система сопоставлялась с фашизмом и противопоставлялась западным демократиям.

В исторических исследованиях, выполненных в рамках тоталитарного подхода (Л. Шапиро, М. Фэйнсон (или Файншо), А. Улам, Р. Пайпс, Р. Конквест, А. Безансон и др.), советский режим изображался как тоталитарный монолит, направленный уже при Ленине на уничтожение всех сил, могущих соперничать с ним в борьбе за власть и тотальную ее концентрацию в руках партии. Большинство сторонников тоталитарной перспективы связывали становление советского порядка с государственным переворотом, решительно прервавшим нити исторической преемственности с предшествующей исторической эпохой (в этом плане концепцию Р. Пайпса, который видит корни советского тоталитаризма в российской национальной традиции и в практически неизменной российской политической культуре, следует рассматривать как оригинальное исключение). Сторонники тоталитарного подхода отвергали возможность включения советского тоталитаризма (даже в качестве некоего деформированного варианта) во всеобщий процесс развития, фактически — и во всеобщий исторический процесс. Советский режим изображался ими как система, кардинально отличная от нормального социального порядка, как некая аномалия, отклонение (А. Безансон в 1970-е гг. определил его как «сюрреальный»). Далее, советскому режиму отказывалось в возможности самотрансформации (в связи с этим сторонники тоталитарного подхода склонны начинать переход к демократии в России с 1991 г. и изображать его как революционный процесс)¹.

Следствием применения тоталитарной модели при изучении истории России в XX в. стало исключение идеи развития советского общества, что делало проблематичным исследование динамики процессов в социалистических странах с помощью данной концепции. Оппоненты тоталитарного подхода обратили внимание на теоретическую сомнительность тезиса о целом контролируемой социальной системе, что противоречит действительности. Сторонники тоталитарной модели акцентировали внимание на манипуляциях сознанием народных масс со стороны партийной верхушки и фактически отрицали наличие «источников общественной поддержки существующей в СССР власти», что, как удалось показать критикам тоталитарной перспективы, не соответствовало реальности. Было обнаружено еще одно противоречие тоталитарной модели, с одной стороны, трактовавшей тоталитарное общество в качестве закостеневшей, негибкой социальной системы (в чем якобы заинтересована правящая элита), а с другой стороны, делавшей акцент на то, что эта самая элита стремится преобразовать общество и переделать человека.

Модернизационный подход Рождение модернизационной перспективы приходится на 1950–1960-е гг. Данное направление базировалось на эволюционистских и структурно-функционалистских предположениях. В рамках созданной модели процесс модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого существования и деятельности. Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Модернизационную перспективу, в отличие от тоталитарной, склонной к политическо-идеологической редукции, следует характеризовать как плюралистическую. Сторонникам модернизационного подхода в целом не присуще стремление искать первопричины исторического развития, предпочтение отдается широким построениям, учитывающим сдвиги в экономико-технологической, социальной, политико-правовой, культурно-ментальной сферах. Так, сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. При этом естественно в отдельных исследованиях предпочтение могло отдаваться детальной разработке специфических измерений модернизации (например, У. Росту — экономический рост; Н. Смелзер — социальная динамика; Р. Уорд и

Д. Растоу — трансформации политической деятельности; Д. Лернер — изменения в области коммуникаций; А. Инкелес — ментальные сдвиги, трансформация образа жизни и т.д.).

На протяжении 1970–1990-х гг. (даже со второй половины 1960-х гг.) переосмысление модернизационной парадигмы осуществлялось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы, а также эволюции от высокого уровня абстракции к эмпирическим исследованиям. Была признана конструктивная, положительная роль социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; ей был придан статус дополнительного фактора развития. К числу важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации².

Объясняя, как и почему происходят социальные изменения, теория модернизации первоначально (1950–1960-е гг.) акцентировала внимание прежде всего на капиталистической модели развития, игнорируя или расценивая в качестве временной aberrации на пути к капитализму исторический опыт «второго мира» (социалистических стран).

Однако уже в 1960-е гг. был предложен подход, который в конечном счете сводил советский тип развития к варианту всеобщего общественного (модернизационного) процесса. Попытку рассмотреть социалистический эксперимент в качестве одной из двух моделей модернизации предпринял Д. Эптер в монографии «Политика модернизации» (1965), основанной на использовании структурно-функционального подхода. По мнению исследователя, модернизация требует наличия трех условий: 1) социальной системы, способной адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам; 2) гибких социальных структур, в том числе широкого разделения труда или структурной дифференциации; 3) социального контекста, способного обеспечить навыки и знания, необходимые для осуществления технологических трансформаций. Анализируя эмпирический материал на предмет присутствия данных условий, Д. Эптер выделяет две модели модернизации: 1) «секулярно либертарианская» или консенсусная система (система согласований): характеризуется плюралистическим, диверсифицированным распределением власти и лидерства, прагматическими, составительными партиями и акцентом на компромиссе (США, Западная Европа и другие либеральные демократические государства); 2) «священная общность» или мобилизационная система: характеризуется политической «религиозностью», персонализированным или харизматическим лидерством и однопартийной системой (коммунистические страны и большинство стран «Третьего мира»)³.

Попытка включить Россию XX в. в общеисторический процесс представлена также в работе Б. Мура «Социальные корни диктатуры и демократии. Господин и крестьянин в процессе становления современного мира» (1966 г.), представляющей собой комбинацию теории модернизации с ревизионистской формой марксистского классового анализа⁴. Вклад Б. Мура в развитие теории модернизации состоял в том, что он обратил внимание на разнообразие маршрутов, ведущих от традиционного к индустриальному обществу. Б. Мур посчитал возможным объяснить различия путей модернизации тем, какой общественный класс занимает руководящие позиции в этом процессе. Исследователь выделил три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США, Франция), в результате чего утверждаются капитализм и демократия; 2) под руководством аристократии (Германия, Япония) — как следствие устанавливается фашизм; 3) крестьянскую (Россия, Китай — страны «великой аграрной бюрократии»), приводящую к утверждению коммунизма (социализма). Таким образом, схема Б. Мура допускала возможность выбора для каждого модернизирующегося общества: строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма.

Модернизационный подход создавал предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, в том числе и российского, выявляя общего и особенного в протекании данных процессов. Так, сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов модернизации осуществляется в книге П. Бергера «Капиталистическая революция»⁵.

Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несопадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-технический прогресс. «Силы, коренящиеся в науке и технике, — пишет он, — преобразуют человеческую жизнь повсюду, независимо от конкретной экономической, политической или социальной системы. Отсюда следует, что ключевая теоретическая проблема сводится к выяснению, какие аспекты современного тезиса следует отнести на счет модернизации, а какие связать с той или иной экономической или социально-политической системой».

Сопоставление передовых капиталистических стран с бывшим Советским Союзом, по мнению П. Бергера, плодотворно в теоретическом отношении для понимания внутренних механизмов современного капитализма, для создания общей теории экономической культуры в условиях модернизации, а также позволяет дифференцировать результаты развития в самом СССР, устанавливая ответственность за них как собственно модернизации, с одной стороны, так и социализма, с другой.

В качестве проявлений модернизации в СССР П. Бергер рассматривает следующие трансформации: 1) становление Советского Союза как индустриальной державы, устойчивый экономический рост страны; 2) медленное, но неуклонное повышение материального уровня жизни населения страны; 3) сходная динамика распределения доходов на Западе и в СССР на сравнимых стадиях экономического развития (и Советский Союз, и другие социалистические страны, по мнению П. Бергера, по всем признакам подтверждают тезис Казнеца или «кривую Казнеца» — в СССР после 1930 г. с началом массовой индустриализации наблюдалось увеличение неравномерности в доходах, которая достигла своей вершины к началу второй мировой войны; затем, с 1951 г., наметилась тенденция к сокращению этого различия); 4) сходство темпов социальной мобильности на Западе и Востоке (как полагает П. Бергер, решающей переменной в данном случае выступает степень модернизации каждой из экономик; как и на Западе, в качестве существенного фактора мобильности П. Бергер считает систему образования; Бергер отмечает затруднительность преодоления рубежа между физическим и умственным трудом как на Западе, так и на Востоке, а также тягу к профессиональной «наследственности» в верхних эшелонах системы, присущую и капиталистическим, и социалистическим странам).

Что касается воздействия социализма на итоги развития СССР, то П. Бергер сводит их к следующим наблюдениям: 1) внутренняя связь между социализмом и всепроникающей бюрократизацией экономики; 2) внутренняя связь между социализмом и хозяйственной неэффективностью; 3) внутреннее родство между социализмом и авторитарным правлением; 4) внутреннее родство между социализмом и тоталитарным проектом для современного общества; 5) непрерывное взаимодействие двух различных форм стратификации — классовой системы и степени политического патримониализма.

Под влиянием модернизационной макросоциологической теории в 1960-е гг. активизировалось историографическое направление, получившее условное наименование ревизионистского, смысл которого состоял в пересмотре, «ревизии» доминировавшего до того в советологии тоталитарного подхода. «Ревизионисты» отвергали тоталитарную модель, видя в ней лишь орудие холодной войны, препятствующее рассмотрению и пониманию прогрессивной эволюции советской системы; при этом большинство «ревизионистов» придерживалось более или менее левых взглядов. По существу «ревизионистская» историография стремилась найти почву для существования советского строя в динамике советского общества, подчиняла политику и идеологию социальным и экономическим факторам при объяснении принципов функционирования этой системы (данный подход нашел воплощение в трудах Л. Хаймсона, Ш. Фитцпатрик, Д. Хофа, С. Козна, М. Левина, Д. Гетти и др. историков)⁶.

Сторонники ревизионистского данного подхода стремились показать, что советской системе присущ динамизм, развитие; пытались смягчить природу политической системы, отделить «сталинизм» от «ленинизма» (авторитаризм вместо тоталитаризма; например, тоталитарная при Сталине, но затем трансформирующаяся в авторитаризм); обнаружить потенциал самореформирования, самотрансформации (в перспективе — возможность эволюционного перехода к демократии; для них характерно начинать трансформацию советской системы с перестройки и Горбачева, а не с «революции» 1991 г., как это обычно делают последователи тоталитарной концеп-

ции); представить способ политического функционирования советской системы как «институциональный плюрализм» (СССР как многополярной система, включающая множество групп общих интересов, что противоречит изображению советского общества в качестве тотального монолита в работах представителей тоталитарной школы).

Применение модернизационной парадигмы и инструментов ревизионистской историографии способствовало существенному расширению предметной области в изучении истории России XX в., создало возможности для изучения российского исторического опыта в сравнительной перспективе, позволило выявить многие реальные механизмы функционирования советской системы. К минусам, которые обнаружались в рамках данного подхода, можно, вероятно, отнести, эволюционизм, недостаточное внимание к воздействию на ход развития страны экзогенных факторов; к возможности волевого вмешательства, изменения ситуации; возможно, преувеличенные сходства в развитии различных стран.

Институциональный подход. Институциональный подход возник в русле экономической теории на рубеже XIX–XX вв. (Т. Веблен) как реакция на внеисторическую и механистическую трактовку экономической реальности в рамках ортодоксальной доктрины. Однако основной вклад в адаптацию институционального подхода для изучения социально-экономического (исторического) развития обществ внес современный американский экономист, социолог и историк Дуглас С. Норт, удостоенный в 1993 г. Нобелевской премии по экономике за труды в области исследований институциональной динамики.

В основе институционального подхода, как и модернизационного, также лежит эволюционистская подкладка. Однако, теоретические акценты расставляются иначе, чем в модернизационных штудиях. Если в последних акцент делается на переход, трансформацию социальных институтов и культурных ценностей, то в рамках институционального подхода внимание концентрируется на институциональной преемственности, на влиянии институтов предшествующего времени на траектории последующего развития. Кроме того, различаются и трактовки самого процесса эволюции. В рамках модернизационного подхода, по крайней мере в его классической версии, эволюция — некоторый магистральный процесс, включающий возможные варианты развития. В контексте институционального подхода речь идет лишь о конкретной, «индивидуальной», эволюции конкретных обществ.

Ядром подхода стала концепция *зависимости от пути развития* (“Path Dependence”), которая использовалась ранее в экономической науке и в истории экономики. В экономической истории этот принцип обычно использовался для объяснения стойкости субоптимального экономического поведения, в особенности, субоптимальных технологий. Д. Норт обратил внимание на те стороны *зависимости от пути* в экономической истории, которые переступают границы чисто технологических аспектов и используются как параметры всестороннего социального поведения. Д. Норт называет эти продолжительные, определяющие основные процессы феномены — «институтами». «*Зависимость от пути* свидетельствует о значении истории, — пишет Д. Норт. — Мы не сможем понять сегодняшние решения (и указать их место в современной экономической модели) без отслеживания постепенной эволюции их институтов, ...последовательные институциональные изменения, происходящие путем беспрерывных маргинальных приспособлений... являются доминирующим путем, по которому движутся общества и экономика».

Концепция зависимости от пути развития позволяет связать перспективу эволюционного отбора с перспективой институциональной преемственности, в определенной степени объясняет различия в эволюции общества, долговременное сохранение неэффективных и субоптимальных экономических систем и институций, экономического поведения и технологий. Согласно данной концепции, направление развития является результатом инкрементальных (incremental) перемен («малых приращений»), определяющих от известной точки дальнейший ход событий. Предполагается, что даже после масштабных разрывов (революции, войны и т.д.) сохраняется значение традиционного институционального контекста, который обеспечивает определенную преемственность развития. При этом сторонники концепции зависимости от пути развития выступают против ее сведения к телеологической схеме истории; она является, по их мнению, лишь концептуальным средством для сужения диапазона возможностей выбора и принятия решений во времени и не исключает самих этих возможностей⁷.

Проф. Дон Карл Роуни попытался использовать данную концепцию более широко как метод идентификации и оценки исторических основ ряда учреждений и политики. Роуни исследует становление плановой экономики в СССР и задается вопросом, почему большевики «выбрали» модель сильного государственного контроля? По его мнению, корни данного явления следует искать не в 1917 г., а в эволюции государственной администрации с 1802 г. и в особом пути развития российской индустриализации в XIX в. Д.К. Роуни полагает, что на развитие плановой экономики в Советской России оказали влияние как минимум три «института», обладавшие достаточной энергией и устойчивостью, чтобы воздействовать на отношения революционного правительства и национальной экономики.

Первый из этих «институтов» Роуни связывает со структурой российской экономики и ее зависимостью от географических и демографических параметров Российской империи в начале XX в. Сильная государственная власть была исторически обоснована российской политической географией, достаточно низкой плотностью населения, особенно на окраинах. В связи с этим именно государственный административный аппарат осуществлял надзор за трудовыми отношениями, обеспечивал проведение политики таможенного протекционизма и имел прямое отношение к созданию корпораций и ряда монополий. Второй «институт», по мнению исследователя, представляет собой отсутствие свободного рынка и идеологии (или теории), защищающей принцип рыночных отношений, основанный на невмешательстве государства в экономику. Третьим «институтом» является центральная государственная политическая администрация с ее аппаратом законодательной власти и превалирующим авторитетом, которым пользовались официальные лица во всей системе национальной экономики.

С течением времени большевики, как считает Роуни, использовали не только идею плановой экономики, но и многие другие программы, которые требовали участия сильной центральной власти. Д.К. Роуни даже утверждает, что сильная административная центральная власть, которую использовали большевики, не была ими создана; эта система организаций и лежащие в ее основе принципы уже существовали и развивались в течение длительного периода. Именно эта долго вырабатываемая система сильного центрального государственного аппарата, по мнению историка, дала лидерам русской революции возможность построить собственную систему контролирующего центра. Объяснение использования большевиками принципов сильной государственной власти в качестве основной стратегии экономического развития, по мнению Д.К. Роуни, вполне разумно вытекает из концепции *зависимости от пути*¹.

К проблемам институционального подхода, вероятно, следует отнести недостаточное внимание к акторам исторического процесса, недоучет возможности волевого вмешательства и изменения институциональной структуры; некоторое преувеличение исторической преемственности; недостаточное внимание к структурным трансформациям.

«Термондистская» перспектива. Данный подход сводится к признанию «третьемирскости» России как имманентного свойства ее истории последнего столетия. В рамках данной традиции особенность и загадочность российского пути трактуются лишь как неудачная попытка сравнения с западным миром, тогда как сопоставление с историей стран третьего мира объявляется методологическим приемом «расколдовывания» российской истории и придания ей черт типичного и обыденного.

Данный подход нашел отражение в работах известного британского социолога и историка Т. Шанина. Сам автор противопоставляет свою позицию двум фундаментальным противостоящим друг другу путям понимания развития России, сложившимся в рамках научной историографии XIX в. — «западническому», «прогрессистскому», согласно которому Россия — это отсталый эшелон, догоняющий передовые европейские страны, и «славянофильскому», согласно которому Россия — уникальная и совершенно самобытная страна. По мнению Т. Шанина, подоплекой радикально новой картины России и политической стратегии, которую они начинали осознать (но не признали и не назвали), стала характеристика России как важнейшего феномена, который только в 1950–1960-х гг. отчетливо определился и был назван «третьим миром» (или более мягко «развивающимися странами»).

Шанин выступает против преувеличения особенностей развития России. Эти особенности, по его мнению, кажутся столь резкими лишь вследствие заикленности равнения на Западную Европу и США. Вопреки отдельным успехам, полагает Т. Шанин, Россия как была, так и оставалась страной третьего мира.

К существенным сквозным характеристикам истории России XX в. как «третьеймировой» страны, по мнению Т. Шанина, следует отнести: 1) технологическое отставание, при котором успехи имеют сегментарный характер; 2) хронический, резкий разлад элементов общественной системы как между разными ее составляющими, так и внутри каждой из них; 3) слабые в своей мобилизационной активности, самоорганизации и политическом выражении социальные классы; 4) увеличивающийся отрыв элит от массы населения; 5) как следствие фактического наличия двух социальных миров на территории одной страны — разросшиеся и агрессивные системы цензуры, подавления и политического контроля, коррупции кадрового состава; 6) государственный капитализм как решающее звено социально-экономической жизни, где не существует четкого разделения сфер государственной власти, экономики и собственности, юрисдикции, полицейского надзора; 7) особенности внутренней динамики, характерные для расцвета «государственных экономик»: а) «авральщина», «недострой», «халатность» и пр.; б) экономическое развитие, которое проходит рывками и связано с крайне неэффективным употреблением человеческих и технических ресурсов и с динамикой затухания (пульсирующая активность в решении экономических задач); в) расцвет незаконных систем экономического взаимодействия, в которых переплетаются взяточничество, возведенное в систему, неформальная экономика и т.д. (развитая теневая экономика, коррупция государственного аппарата); 8) зависимость от экономически более мощных систем и в то же время идеология ограничения этой зависимости (советский период прошел под знаменами борьбы за экономическую независимость и мировое превосходство, но в реальности, как считает Т. Шанин, создал глубокую зависимость СССР от экспорта сырья — даже для того, чтобы накормить собственное население; в этом проявляется классическая модель «зависимого» развития «третьеймировой» страны, несмотря на спутники, ракеты и лучший в мире балет; 9) масштабность семейной экономики и значимость сетей межсемейного вне рыночного обмена в стратегиях выживания населения.

Кроме проявлений «третьеймировости» Т. Шанин выделяет специфические черты в развитии России, которые применительно к советскому периоду сводятся к следующим: 1) резкое улучшение образовательного статуса населения и научного потенциала, которое по быстроте можно было бы оценить как культурную революцию; 2) распад сельских сообществ; в селах это выразилось в исходе молодых, здоровых и образованных людей, в резком сокращении сельского ремесленничества и превращении большей части сельской России в крупнейший социальный отстойник неадекватности⁹.

Итак, в рамках подобной логики парадоксальность российской истории — всего лишь неадекватность исторического материала логической схеме анализа. Если же рассматривать Россию как типичного представителя третьего мира, то антиклассицизм ее революций, неистовство попыток «догнать и перегнать», впечатляющие откаты назад и кризисы развития предстают совсем в ином свете, а именно — как демонстрация желания и неспособности изменить своей третьеймировой природе.

К проблемам данного подхода следует отнести преувеличение зависимости страны от внешнего мира (особенно для некоторых периодов); преувеличение отсталости; преуменьшение значимости достижений — в частности, в сфере военных технологий, тяжелой промышленности, науки, образования; наличие существенных отличий в развитии по сравнению с многими развивающимися странами.

Итак, мы рассмотрели четыре теоретико-методологические перспективы, оказавших и оказывающих влияние на интерпретацию Российского исторического пути в XX в. Естественно, мы не могли проанализировать все теоретические и методологические направления; вне орбиты исследования остались, в частности, популярные в современной науке историко-антропологические подходы, микроисторический анализ, история повседневности. Наше внимание было обращено, в первую очередь, на так называемые «большие теории», которые, как нам представляется, еще длительное время сохраняют значение рамочных теоретических контекстов. Рассмотренные подходы свидетельствуют, что ответ на вопрос о месте России в мировой цивилизационной динамике в XX в. нельзя отнести к числу простых и однозначных. Разнообразие подходов, концепций, оценок истории России, как нам кажется, отражает не только динамику собственно теоретических направлений, но и сложность и противоречивость самой исторической реальности. Систематизация доводов в пользу различных точек зрения делает оправданным уважительное отношение к их сторонникам. Известно желание некоторых ученых утвердить неко-

тую универсальную теорию, пускай даже за счет синтеза, конвергенции уже имеющихся научных перспектив. Нам такой подход не представляется плодотворным — лишь обращаясь к историческому материалу с разных теоретических позиций, с разных точек зрения, можно расширять и углублять наши знания о предмете изучения.

Примечания

¹ См.: Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6; Он же. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1; Он же. Тоталитаризм: лекарство от демократии // Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч.1. М., 1993; Малия М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5; Он же. В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайтса) // Там же 1992. № 4; Он же. Советская история // Там же. 1999. № 3.

² См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С.10–49; Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С.8–49; Они же. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. научн. статей. Екатеринбург, 1998. С.8–32; Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С.217–246; Он же. Теория модернизации: от структурализма к структурационному анализу // Гуманитарная наука и образование как фактор национального развития: Мат-лы научно-практ. конференции (Екатеринбург, 13–14 мая 2002 г.) / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2002. С. 61–72; Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С.146–168.

³ Arter D. The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965.

⁴ Moore V.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

⁵ Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

⁶ См.: Малия М. Из-под глыб, но что? ...; Он же. Советская история...; Павлова И.В. Современные западные истории о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5; Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996.

⁷ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М., 2002; Холдсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. М., 1997.

⁸ Д. Роуни. Методологические аспекты изучения истории России. (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С.224–229; Он же. Управление промышленностью в России. Автономное государство и экономическое развитие // Отечественная история. 1995. № 1. С.119–134.

⁹ См.: Отношение к прошлому — ключ к будущему (Теодор Шанин. История России XX в. с позиций сквозной «стремительности») // Отечественная история. 1999. № 6. С.86–88; Шанин Т. Революция как момент истины: 1905–1907 —> 1917–1922. М., 1997; Он же. Умом Россию понимать надо. Тезис о трехединости России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999; Shanin T. Russia as a "Developing Society". New Haven, 1985. Сравнение России со странами третьего мира в последнее время становится очень популярным в отечественной литературе. При этом отнесение России к третьему миру рассматривается как результат ее деградации в последнее десятилетие, то есть проводится идея не генетической, а привнесенной в ходе неудачной реформы 1990-х гг. «третьемирности» России. См.: Барсукова С.Ю. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // ПОЛИС. 2000. № 4. С.60–71.